

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(4): 1605-1617
 DOI: 10.13187/bg.2022.4.1605

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Ideology as a Mechanism for the Formation of Historical Discourse (on the Example of the Historiography of the Bashkir Uprising of 1735–1740)

Vladimir A. Ivanov ^a, Aleksey I. Kortunov ^{a, *}, Aleksey O. Ivanov ^b

^a M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

^b College of the M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

The article analyzes the historiography of the Bashkir uprising of 1735–1740 as part of the key task of the study to identify the mechanism of formation of historical discourse and the special role of ideology in this process. The purpose of this work is to show how ideology determined the nature and content of historical discourses. As an example, discourses devoted to one of the largest and longest national uprisings in the history of Russia of the XVIII century were taken. The main sources of this research are discourses devoted to this event. They are numerous and different in their tasks, scale, breadth and depth of penetration into the topic. As a result of the study, the authors came to the conclusion that every historical discourse is the product of an ideology that determines (dictates) its interpretative component. Historiographical criticism can claim to be scientific and correct only if it is directed at discourses created in the same historical period and in the same ideological field in which the critic works.

Keywords: Bashkir uprising, ideology, historiography, historical discourse, critical discourse analysis, narrative, Southern Urals.

1. Введение

Исторический дискурс справедливо относится к наиболее сложным для критического дискурс-анализа (КДА) типам. Причиной этому служит относительная субъективность исторических дискурсов, так как они напрямую связаны с устройством общества, основу которого составляет человек, что в свою очередь не может не затрагивать сферу личного бытия ученого-исследователя и его интересов. Эта особенность способствует непреднамеренной субъективизации предмета исследования. Также особенностью создания исторического дискурса является и то, что он образуется с помощью нескольких видов текстов, связанных между собой. Это в первую очередь первоисточники, а во вторую – основанные на них вторичные тексты.

Цель настоящей работы – показать, как идеология (сама по себе – дискурс) определяла характер и содержание исторических дискурсов. В данном случае речь пойдет о марксистско-ленинской теории социально-экономических формаций как составляющих исторический процесс и о классовой борьбе как движущей силе истории. В качестве примера были взяты дискурсы, посвященные башкирскому восстанию 1735–1740 гг. – самому масштабному и продолжительному (не считая участия башкир в восстании Пугачева) национальному восстанию в истории России XVIII в. По своим масштабам и социальным характеристикам оно сопоставимо с Астраханским восстанием 1705–1706 гг. и восстанием Кондратия Булавина 1707–1708 гг., но имело свою причинно-следственную специфику, как раз и являющуюся основным объектом исследования и трактовки региональными исследователями.

* Corresponding author

E-mail addresses: ivanov-sanych@inbox.ru (V.A. Ivanov), kortunov@rambler.ru (A.I. Kortunov), ivanov_alex1990@mail.ru (A.O. Ivanov)

2. Материалы и методы

2.1. Основными источниками настоящего исследования являются дискурсы, посвященные указанному событию – восстанию башкир в 1735–1740 гг. Они многочисленны и различны по своим задачам, масштабам, широте и глубине проникновения в тему (среди них основными являются работы известного историка И.Г. Акманова – ведущего современного исследователя истории башкирских восстаний XVII–XVIII вв.). Хронология появления этих дискурсов – более 100 лет, начиная с 1900 по 2016 гг. (Добросмыслов, 1900; Акманов, 2016). Эмпирическая база для этих дискурсов остается неизменной в течение всего столетия. Примечательно, что среди нарративов основным является сочинение П.И. Рычкова «История Оренбургская» (Рычков, 2001) – одного из активных участников описываемых событий. По своему характеру и содержанию – это внутренний официальный источник-нарратив со всеми его достоинствами и недостатками. К первым относится непосредственность наблюдения (нарративист – участник события), ко вторым – возможность и вероятность субъективного отбора и передачи сведений.

2.2. Методологическую основу исследования составили традиционные общенаучные принципы историзма и объективности. При проведении исследования авторы опирались на теорию дискурсологии исторических дискурсов. Здесь показательным является мнение британского историка Э. Хобсбаума о том, что история уже сама по себе является дискурсом, что историю можно понять в том случае, если понять язык, на котором в каждую конкретно взятую эпоху люди говорили, думали и принимали решение, а также французского философа Ж. Деррида о том, что не существует иного метода изучения истории, кроме интерпретации имеющихся в распоряжении историка вербальных источников. Причем Ж. Деррида считает некорректным со стороны историка трактовать события прошлого с позиций своей эпохи, поскольку язык – это сложная система значений – многосоставной код, лексические единицы которого для каждой отдельно взятой целевой аудитории имеют свое значение (Миньяр-Белоручева, 2015: 12).

3. Обсуждение

Отметим, что исторический дискурс среди категорий академических (научных) дискурсов выделяется своей сложностью. Обусловлено это рядом черт, специфических именно для исторических дискурсов. А именно: исторические дискурсы обнаруживают тенденцию к субъективности, поскольку они имеют дело с проблемами, относящимися к устройству общества, положению в нем человека, и это обстоятельство не может не затрагивать личную сферу бытия исследователя, комплекс его интересов. Оно увеличивает риск непреднамеренной субъективизации предмета исследования и его результатов (Фуко, 2004; Кротков, 2015).

Французский философ Ролан Барт считает, что дискурсант в одном и том же лице может выступать и как участник исторического события, и как его описатель-нарративист, который всегда преследует цель: с помощью языковых конструкций (контента) не только передать аудитории все доступные ему знания о проблеме, но и убедить ее в правильности именно его знаний (Барт, 2003: 432).

Таким образом, мы можем утверждать, что целью критического дискурс-анализа является поиск ответа на вопросы: кто и зачем говорит, каких социальных позиций придерживается, на какие источники (нарративы) опирается, какие средства передачи дискурса используются, какая социальная группа и как объективизирует свое сознание через данный дискурс (Тимошук, 2012: 66-67).

Исторический дискурс уникален тем, что он формируется несколькими видами текстов, концептуально связанных между собой: первоисточники и созданные на их основе вторичные тексты, т.е. научно-исторические или художественные произведения.

По мнению доктора филологических наук, профессора А.П. Миньяр-Белоручевой, исторический дискурс можно классифицировать на два основных вида: первичный исторический дискурс и вторичный исторический дискурс. Первичный исторический дискурс (документальный и описательный) – это фактологическое описание исторической реальности, соотношенной с пространственно-временным континуумом. А вторичный исторический дискурс создается посредством составляющих его вторичных, по отношению к первоисточникам, текстов, т.е. научно-исторических и художественных произведений, в которых прослеживаются не только первоисточники, но и их оценка. Во вторичном историческом дискурсе присутствует историческое сознание автора, его восприятие и интерпретация событий прошлого, изложенных в первоисточниках. Вторичный исторический дискурс, обогащенный знанием прошлого, дополняется опытом самого автора текста (Миньяр-Белоручева, 2015: 11-12).

А.П. Миньяр-Белоручева также утверждает, что не менее важным обстоятельством является и то, что исторический дискурс неизменно идеологичен: «Под историческим дискурсом понимаются научные исторические тексты, «погруженные» в историческое прошлое и способствующие воссозданию картины исторической действительности с определенной идеологической позиции» (Миньяр-Белоручева, 2014: 10-11).

Соответственно, КДА не просто направлен на изучение структуры текста. Он призван выявить выражаемые этими структурами (подразумеваемые) значения, мнения и идеологию. Таким образом,

задача КДА состоит в том, чтобы постичь внутреннюю логику явления, ее смыслы и выявить способы, приемы, посредством которых создается и разворачивается в реальности описываемый сюжет (Ирхин, 2014: 128-129).

4. Результаты

Цель исторического дискурса – интерпретация исторических фактов в контексте идеологии, или идеологий (государственной, религиозной, альтернативной), действующих в обществе в данный исторический период. Поэтому едва ли корректно упрекать дискурсанта в непонимании или ошибочной трактовке тех или иных исторических явлений: он трактует их «с определенной идеологической позиции». Идеологическая позиция российских историков XIX – начала XX вв. не могла не быть монархическо-государственнической. Поэтому вполне естественно, что в дискурсе Р.Г. Игнатьева (1880 г.), посвященном башкирскому восстанию 1735–1740 гг., обозначенному им как «бунт Карасакала», причинами восстания явились деятельность Оренбургской экспедиции (посягательство на башкирские вольности) и происки казахского (киргизского) хана Абулхаира, преследовавшего свои политические цели. Преследуя эти цели, Абулхаир втайне поддерживал авантюриста-самозванца Карасакала (в восприятии Р.Г. Игнатьева – личности совершенно «темной»), выступавшего с явно сепаратистскими, антирусскими лозунгами, подхваченными частью башкир (и не только знатью). В результате произошел «кровавый бунт», стоивший башкирам больших жертв (Игнатьев, 2013: 19-49).

Историк А.И. Добросмыслов – продолжатель темы башкирских восстаний в дореволюционной историографии – в своем дискурсе 1910 г. опирался на тот же корпус нарративов, что и его предшественник (Добросмыслов, 1900). Правда, в отличие от Р.Г. Игнатьева, непосредственно работавшего с источниками, названный автор значительную часть информации получал из более раннего дискурса – «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева, в котором приведены многочисленные и пространные выдержки из «доношений» И.К. Кирилова Сенату и Кабинету по поводу башкирских дел (Соловьев, 1895–1896).

Как историк, сформировавшийся в пореформенный период, А.И. Добросмыслов по своему мировоззрению, вероятнее всего, был государственником-монархистом, поэтому оценочный аспект в его дискурсе прослеживается, главным образом, в контексте, насколько глубоко цели и идеи башкирского восстания противоречили целям и идеям Российской империи. Олицетворением государства в той ситуации выступали начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов, а после него В.Н. Татищев. Бухгалтером, а затем и секретарем экспедиции все годы ее работы являлся П.И. Рычков. Составленные И.К. Кириловым и П.И. Рычковым официальные нарративы и правительственные указы являются источниковой базой дискурса А.И. Добросмылова.

Цель своего исследования А.И. Добросмыслов определяет как расширение фактологии изучаемого события: «...Я нашел, что весьма многие подробности, касающиеся этого события, имеющие существенное значение для истории Оренбургского края, еще не известны в исторической литературе, что и побудило меня составить настоящий очерк» (Добросмыслов, 1900: 4-5), – что значительно расширяет его нарративистскую составляющую.

Основной причиной башкирского бунта 1735 г. А.И. Добросмыслов называет недовольство башкир увеличением на их землях пришлого (не башкирского) элемента – припущенников. Автор по архивным материалам Тургайского областного правления приводит данные о челобитных башкир Канлинской, Еланской, Иректинской, Уранской и других волостей (всего 9 волостей), в которых они просят удалить припущенников с их земли. А с 1735 г. к этому добавляются еще и опасения, связанные с началом Оренбургской экспедиции (Добросмыслов, 1900: 4-8).

Априори сочинение А.И. Добросмылова следовало бы рассматривать как вторичный исторический дискурс. Фактически же и С.М. Соловьев, и Р.Г. Игнатьев, и А.И. Добросмыслов создали три первичных дискурса, то есть фактологические описания одной и той же исторической реальности – башкирского восстания 1735–1740 гг., которое, с позиций государственнической идеологии, представляло собой сопротивление части подданных политике государства, то есть бунт. И здесь невольно как пример восприятия русским образованным обществом подобных явлений вспоминается знаменитое определение, данное А.С. Пушкиным Пугачевскому восстанию.

В этой связи критические замечания современных историографов о том, что А.И. Добросмыслов «не видел принципиальной разницы между правительственно-дворянской и крестьянской колонизацией, говоря, что башкиры были недовольны всеми переселенцами. Ход восстания им дан односторонне, в основном в плане освещения мероприятий властей по его подавлению. Историк приходит к выводу о восстании, как о выступлении башкир против всех русских. Общая оценка движения в работе дается как бунт» и выглядит не совсем корректно (Удербеева, 2016).

Первые советские историки Урала, рассматривая башкирское восстание 1735–1740 гг. в контексте общей истории региона, в объяснении его причин обнаруживают уже идейно-классовый подход. По мнению М.Л. Муртазина (1928 г.), деятельность Оренбургской экспедиции была направлена на «искоренение» башкирского народа и укрепление имперской власти на Урале,

а восстание Карасакала – попытка башкир создать собственное независимое ханство, что явилось поводом для правительства усилить ограничение башкирских прав и вольностей вплоть до их полной ликвидации (Муртазин, 2007: 22-27). С ним согласен и Ш.И. Типеев, также считавший, что основной причиной «восстания Кара-Сакала» была борьба башкир за сохранение своей «старой, свободной жизни», на которую покусился Петр I (Типеев, 1930: 47).

То есть, по сути, то же самое понимание причин и характера восстания 1735–1740 гг., что и у дореволюционных историков, но разительно меняется интонация и лексика повествования. М.Л. Муртазин: царское правительство вело дело к «искоренению» башкирского народа (что, впрочем, прочитывается в «разсуждении» Кириллова – Румянцева на имя императрицы Анны Иоанновны от декабря 1735 г.) (Соловьев, 1895–1896: 1536-1538); стремясь избежать подобной участи, народ восстал.

У Ш.И. Типеева более патетически: «...Так кончилось героическое восстание (1735–1740 гг.) башкир. Так страшно жестоко было разгромлено это восстание. Так пали башкирские герои, боровшиеся против русского дворянского государства, против правительства, грабежа. Сообщники Кара-Сакала (самозванца), башкирского «Пугачева», простого мужика Мендигула наводили страх на все русское дворянство, поэтому дворянский суд решил отрубить голову даже мертвецам из руководителей его. Башкиры этих жестоких экзекуций не страшились. Они показали только, как нужно умирать за свободу и как нужно бороться против ига русских бояр, дворян, помещиков и купцов» (Типеев, 1930: 53-54), то есть советские историки 1920-х гг. фактически продолжали развивать концепцию своих дореволюционных предшественников о башкирском восстании 1735–1740 гг. («бунт Карасакала») как об общенациональном противодействии колониальной политике имперской власти на Урале. Такая их оценка в современной историографии отмечена как позитив (Акманов, Имангалин, 2012: 734-736).

В 1930-е гг. в советской исторической науке окончательно утверждается марксистская теория общественно-экономических формаций, через призму которой предписывалось трактовать историю тех или иных региональных сообществ, то есть установить их место в формационной схеме. Применительно к башкирам первым это сделал А.Л. Чулошников в процессе подготовки к изданию сборника «Материалы по истории Башкирской АССР». Первая часть «Материалов», опубликованная в 1936 г., включает в себя нарративы, относящиеся к башкирским восстаниям XVII–XVIII вв. Ее открывает большая статья А.Л. Чулошникова, в которой автор определяет башкирское общество как феодальное и социально дифференцированное. Но главное – не единодушное в своем отношении к колонизаторским действиям русской имперской власти. Интересы башкирской знати – баев, мурз, тарханов, батырей, старшин – и массы рядовых общинников, которые по своему национальному составу и социальному положению тоже были неоднородны, совпадали лишь частично – в сохранении своих вотчинных прав. Поэтому восстания не носили общенационального характера, башкирская аристократия, исходя из своих меркантильных интересов, могла занимать как проправительственную, так и антиправительственную или сепаратистскую позицию и фактически, по мнению А.Л. Чулошникова, восстания первой половины XVIII в. – это гражданская война среди различных социальных групп башкирского общества. Они не были ни сплоченными общенародной идеей, ни классово выдержанными (в ходе восстаний погрому и разграблению подвергалось и не башкирское население). То есть, налицо типичное колониальное движение, направленное против гнета метрополии (Российской империи) и периодически руководимое собственными феодалами-эксплуататорами. Прогрессивное значение башкирских восстаний состоит в том, что они тормозили распространение и укрепление крепостничества на Урале (Материалы..., 1936: 4-64).

Статья А.Л. Чулошникова сразу же подверглась «разгромной» критике со стороны А.В. Пяковского и Н.В. Устюгова. Первый обвинил автора в антимарксизме и антиисторизме за предложенную им трактовку башкирских восстаний не как классовых, а как национальных, направленных против русской колонизации края. Показанное А.Л. Чулошниковым пассивное, а зачастую и враждебное, отношение небашкирского населения к восстаниям было расценено как противопоставление башкир-вотчинников и сходцев и припущенников по национально-социальному признаку: башкиры – эксплуататоры, не башкиры – эксплуатируемые (Аетбаев, 2018: 40-47).

Н.В. Устюгов же вообще считал, что автор статьи не разобрался в теме, уделит лишнее внимание социальной характеристике башкирской знати в ущерб показу социальной специфики многонациональной трудящейся массе башкирского общества. Данную А.Л. Чулошниковым трактовку процесса переселения небашкирского населения на башкирские земли как продолжение колониальной политики царской власти рецензент расценил как политически неверную (Устюгов, 1938: 145-147).

И хотя лично для А.Л. Чулошникова эта критика трагических последствий не имела, в 1942 г. он умер в блокадном Ленинграде, но в последующих дискурсах, освещающих историю Башкирии первой половины XVIII в., его разработки не используются.

В 1950 г. Л.Н. Устюгов публикует монографию, в которой дает собственную характеристику и оценку башкирского восстания 1737–1739 гг. Опираясь на более обширный, нежели у его предшественника, корпус нарративов, автор дает погодное изложение этого события.

В интерпретации Л.Н. Устюговым использованных нарративов история восстания выглядит следующим образом. Причины – постройка городов на башкирских землях и начало работы Оренбургской экспедиции, взимание штрафных лошадей за участие в восстании 1735–1736 гг. и жестокость властей при его подавлении. Но главное – противоположное понимание имперской властью и местными башкирскими феодалами принципов вассалитета (Устюгов, 1950: 36-55).

Характер восстания – противоречия внутри башкирской знати и конфликты между башкирами и небашкирами (припущенниками, мешчеряками, татарами и др.) препятствовали превращению восстания во всеобщее, и межнациональная конфликтность в нем была весьма существенной (Устюгов, 1950: 63).

Историческое значение восстания – по целям, выдвигаемым лидерами восстания из числа башкирской знати, восстание было реакционным, поскольку настраивало народ на разрыв с Русским государством. Вместе с тем в восстаниях 1730-х гг. можно отметить и крупные прогрессивные черты, приведшие к положительным результатам. Вооруженный протест против активизации колониальной политики центральных властей помешал превращению Башкирского края в колонию с бесправным, закрепощенным населением, как это было в Поволжье. Башкиры смогли сохранить вотчинное право на свои земли, при этом правительству не удалось превратить их в податное сословие. Они использовались на службе преимущественно для обороны внешних границ. Все это – результат башкирских восстаний, главным образом восстаний 30-х гг. XVIII столетия (Устюгов, 1950: 144).

Свою концепцию башкирских восстаний XVIII в. Л.Н. Устюгов изложил и в разделах, написанных им для первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР», вышедшего в свет в 1956 г. (Очерки..., 1956: 169-184).

Дальнейшее свое развитие концепция Л.Н. Устюгова получила в исследованиях его ученицы Н.Ф. Демидовой – автора вступительной статьи к VI тому «Материалов по истории Башкирской АССР», в 1956 г. защитившей кандидатскую диссертацию на тему «Башкирское восстание 1735–1736 гг.».

Необходимо отметить, что эти работы были написаны после появления Постановления ЦК ВКП(б) от 27 января 1945 г. «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», в котором отмечалось, что «отдельными историками и литераторами, работающими в Башкирской АССР, были допущены в освещении исторического прошлого башкирского народа серьезные идеологические ошибки. В подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии...» не проводятся разграничения между истинными национально-освободительными движениями башкир и грабительскими набегами башкирских феодалов на соседние народы. Недостаточно показывается угнетение башкир феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкирского общества. Вследствие чего было, в частности, предписано считать важной задачей научных работников и писателей БАССР создание произведений, правдиво освещающих историю башкирского народа, его лучшие традиции, «совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей...», и этого Н.Ф. Демидова в своей диссертации, естественно, не учитывала (Демидова, 2020: 33-45).

С целью преодоления «националистических и вульгаризаторских тенденций» в освещении восстания 1735–1736 гг. автор предлагает найти в источниках ответы на следующие вопросы: каков характер восстания? Каковы были его движущие силы? К чему повела бы победа восстания? Каковы были его объективные результаты? Ответы на эти вопросы сводятся к следующему: восстание было реакционным, поскольку инициировалось башкирскими феодалами, отстаивавшими свои еще родоплеменные права и привилегии; всенародный характер оно имело только для башкир, сопротивлявшихся колонизаторской политике имперской власти; победа восстания привела бы к консервации уже фактически отживших родоплеменных отношений в башкирском обществе, затормозив тем самым его дальнейшее развитие. Поскольку главная причина восстания 30-х гг. XVIII в. лежала во внутренней борьбе между преобладающей частью башкирских старшин и царским правительством, выражавшим интересы русского дворянства. Борьба велась практически за сохранение господствующего положения башкирской верхушки, за право эксплуатации простых общинников, за наиболее полное присвоение прибавочного продукта. Поэтому объективно поражение восстания ускорило развитие производительных сил края и открыло для его населения более прогрессивный путь дальнейшего социально-экономического развития (Материалы..., 2002: 7-8, 12).

Если советским историкам причины восстания 1735–1740 гг. были ясны, то их зарубежный коллега Б.Э. Нольде в этом вопросе не столь категоричен. В своей фундаментальной монографии, посвященной истории формирования Российской империи, анализируя результаты деятельности имперской власти по усмирению предыдущих башкирских выступлений 1705–1710 и 1726–1727 гг., исследователь отмечает, что в своих действиях правительство удовлетворило все требования нерусской знати, поэтому, с его точки зрения, выяснить причины следующего восстания 1735–1740 гг. трудно (Нольде, 2013: 336). Но, в общем, это был социально-политический кризис, преодоление которого стоило башкирам огромных людских и материальных потерь. Однако в итоге башкиры смогли сохранить свой традиционный образ жизни, свои племена, богатые природными ресурсами земли, а также умеренный размер ясака. То есть восстание, конечно, было событием, но его значение для истории башкир преувеличивать не стоит (Нольде, 2013: 348).

Завершает советскую историографию восстания 1735–1740 гг. учебный дискурс И.Г. Акманова. Используя те же самые нарративы, что и его предшественники, автор также считает, что главная причина восстания – усиление колониальной политики имперской власти, проявившейся, в том числе, и в организации Оренбургской экспедиции. Применяя политику «разделяй и властвуй», власть отвратила от восстания большинство небашкирского населения, тем самым вызвав обострение отношений между различными народами края. Привлекая русских, мишарей, чуваш, мари к подавлению восстания, власть провоцировала башкир на разорение «верного» населения и ответные антибашкирские действия с его стороны (Акманов, 1977: 67-76).

Восстание носило массовый характер, поскольку его движущей силой выступали рядовые башкиры, тогда как феодальная знать раскололась на две враждующие группы и действовала по обе стороны «фронта». Первоначально восстание было направлено против собственных феодалов – проводников колонизаторской политики царизма, но по мере жестокого подавления в нем проявляются и антирусские тенденции, хотя ни о каком отделении от России восставшие не помышляли. В целом же это было народное антифеодальное восстание – «важный этап в общей героической борьбе масс против гнета и насилия» (Акманов, 1977: 81-84).

Таким образом, мы видим, что авторы дискурсов XIX – первой половины XX столетий были едины в обозначении причины восстания 1735–1740 гг. Расхождения начинаются в характеристике его движущих сил и оценке характера и исторического значения (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Характеристика движущих сил и оценке характера и исторического значения восстания 1735–1740 гг.

Характеристики восстания	Автор						
	Р.Г. Игнатьев	А.И. Добросмыслов	Ш.И. Типеев	А.Л. Чулошников	Л.Н. Устюгов	Н.Ф. Демидова	И.Г. Акманов
Причины восстания							
Усиление колонизаторской политики	X	X	X	X	X	X	X
Оренбургская экспедиция	X	X	X	X	X	X	X
Движущие силы восстания							
Феодальная знать	X	X	X		X	X	
Башкиры-вотчинники	X	X	X	X			X
Весь народ				X			
Характер и значение восстания							
Бунт	X	X					
Феодальное антирусское	X			X	X	X	
Антифеодальное							X
Национально-освободительное			X				

Из приведенной Таблицы 1 очевидно, что различия в трактовке нарративов с целью получения нового исторического знания начинаются в советское время и теперь уже они были обусловлены новыми идеологическими парадигмами. Подобный подход игнорирует один из важных методических принципов научного источниковедения, а именно – психологическое толкование источника, без которого невозможно приблизиться к пониманию исторического источника (Лаппо-Данилевский, 2013: 248). В формулировке А.С. Лаппо-Данилевского это означает «установление соответствия между психическим значением данного образа у его творца и у историка, т.е. к установлению того факта, что одно и то же или, по крайней мере, приблизительно однородное психическое значение ассоциируется с одним и тем же вещественным образом и у его творца, и у историка» (Лаппо-Данилевский, 2013: 251). На практике это означает установление соответствия ассоциаций историка-дискурсанта, изучающего нарратив, ассоциациям автора-нарративиста. Обратимся к примерам.

Основным источником по истории восстания 1735–1740 гг. в Башкирии является «История Оренбургская» П.И. Рычкова – участника Оренбургской комиссии, написанная в 1744 г. и впервые

опубликованная в 1759 г. Оренбургская экспедиция – продолжение государственной политики в области расширения и укрепления границ на юго-востоке, то есть государство действует в своих геополитических интересах, не консультируясь со своими подданными по поводу целесообразности и правомерности своих действий. А оно обязано это делать?

Тем более что в «Резолюции» (указе) по проекту И.К. Кирилова от 1 мая 1734 г. четко указано, что, во-первых, постройка нового города в устье р. Орь, о чем просят как хан киргиз-кайсацкой (казахской) Малой («Меньшой») орды, так и сами «башкирцы», предпринимается с целью обеспечения максимально выгодных для обеих сторон условий вхождения казахов Малой орды в российское подданство; во-вторых, Оренбург нужен не только для содержания киргиз-кайсаков, но и «для отворения свободного с товарами пути в Бухары, в Водокшан, в Балх и в Индию, ... тот же город закроет за собою Башкирцов и все набеги воровских Киргиз-Кайсаков, которые теми местами проходили, пресечет...» (ПСЗРИ, 1830: 314).

То есть при прямом прочтении Указа какие-либо посягательства на традиционные земельные права башкир в нем найти трудно. Более того, строительство города Оренбурга в устье р. Орь (левый приток Урала) предполагалось на землях Младшей киргиз-кайсацкой (казахской) орды, о чем хан Орды Абулхаир и был уведомлен специальной грамотой (Рычков, 2001: 30-32). Кроме того, в октябре 1735 г. (уже после начала восстания) последовал специальный рапорт И.К. Кирилова в Кабинет «о принадлежности земель, на которых основан г. Оренбург», в котором он уведомлял о том, что на той земле «жилья и кочевья никакого не было» (Материалы..., 2002: 84).

Можно согласиться с тем, что, через призму современных норм межэтнического взаимодействия, политика «разделяй и властвуй», открыто провозглашаемая правительством по отношению к трем соседним, но постоянно враждующим друг с другом кочевым народам – башкирам, киргиз-кайсакам и калмыкам – выглядит цинично. Но с точки зрения тогдашней имперской власти подобная политика была выгодна тем, что в случае каких-то возмущений эти три народа будут «друг друга смирять и лучшему послушанию приводить без движения Российских войск» (ПСЗРИ, 1830: 316). Или, как писал И.К. Кирилов в письме к Э. Бирону 23 июля 1735 г.: «...Вышеупомянутые новые владения присовокупятся – и страх на обе стороны прибудет, что во время какого воровства Башкирцев Койсаками, а Койсаков Башкирцами смирять, к чему и Калмыки близки...» (Соловьев, 1895–1896: 1534).

Но едва ли, с точки зрения научного источниковедения, будет методологически верным современные нравственные понятия и категории переносить на почти 300 лет назад и через их призму оценивать события и поступки людей той эпохи. Об ошибочности подобного подхода еще в начале XX в. предупреждал французский историк Л. Леви-Брюль, утверждавший, что коллективные представления на ранних этапах развития общества существенно отличаются от современных идей и понятий и не могут отождествляться с ними (Данилевский, 1998: 332).

Из имеющихся нарративов следует, что на первых порах башкиры внешне были лояльны к действиям правительства: тарханы сотнями шли на службу в экспедицию; башкиры рода кара-табын по решению общего собрания сами выбрали и отвели удобное место под строительство Верхнеицкой пристани в устье р. Уельяды (Рычков, 2001: 37-38; Материалы..., 2002: 20).

И.Г. Акманов почему-то считает, что власти старались скрыть от населения цель и сущность экспедиции и прежде всего – основание города на р. Орь (Акманов, 1977: 28). Но тогда как понять, что башкиры активно привлекались к работе в экспедиции, причем на особых условиях: прибывшие в Уфу тарханы «в поход с ним, Кириловым, записывались, которым при записке на их тарханство давались от него, Кирилова, подтвердительные указы» (Рычков, 2001: 37-38; Материалы..., 2002: 20-24).

Еще до начала Оренбургской экспедиции, 18 мая 1734 г., была утверждена «Инструкция Статскому Советнику Ивану Кирилову, отправленному для постройки города при Устье реки Орь», в которой, в частности, предписывалось отменить, применительно к башкирам, институт аманатства, заменив его институтом совместных судей, не допускать никаких притеснений башкир, которые будут прикомандированы к Оренбургской экспедиции (ПСЗРИ, 1830: 324-325).

Вместе с тем складывается впечатление, что конфликт был неизбежен. На это указывает ряд фактов: во-первых, два документа, одновременно появившихся в феврале 1735 г. Первый – письмо приказчика Иргинского медеплавильного завода купцов Осокиных Р. Набатова начальнику Главного правления сибирских и казанских заводов В.Н. Татищеву. В нем автор выражает опасение по поводу участвовавших больших съездов башкир, «каких прежде не бывало», и просит содействия в дополнительном снабжении завода боеприпасами и присылке специалиста-канонера. Второй – секретная инструкция И.К. Кирилова капитану Уварову и поручику Ветошникову, командированным для постройки Верхнеицкой пристани, быть по отношению к башкирам настороже, «потому что известно – ветренной и обманчивой народ» (Материалы..., 2002: 19).

Во-вторых, в марте того же года В.Н. Татищев – главный управляющий уральскими заводами – сообщал в Казанскую губернскую канцелярию о проведении башкирами «великих съездов и советов, каких давно не бывало». Однако эти опасения были расценены И.К. Кириловым как неосновательные. Более того, он объяснял башкирские собрания тем, что на них они обсуждают объявленную им службу на р. Ори для построения города (Соловьев, 1895–1896: 1532).

То есть в крае явно «пахло грозой». Поэтому записка И.К. Кирилова от апреля 1735 г. об организации ландмилицейских рот и их размещении в Уфе, Бирске, Мензелинске и Табынске не представляется чем-то из ряда вон выходящим. Это было вполне логичным шагом администратора, обеспокоенного перспективой сохранения порядка в крае (Материалы..., 2002: 24-26). А по мнению П.И. Рычкова, очевидца и участника событий 1735–1740 гг., к восстанию башкирские старшины готовились загодя, еще до начала Оренбургской экспедиции. На это их подстрекал старшина Телекой-Кубовской волости (Ногайская дорога) Токчура.

Личность Токчуры фигурирует только у П.И. Рычкова. Каким образом он оказался в столице в момент разработки проекта экспедиции – не известно. А.И. Добросмыслов полагал, что он был одним из сотрудников А.И. Тевкелева еще во время его миссии к Абулхаир-хану в 1733–1734 гг. (Добросмыслов, 1900: 8).

Можно предположить, что Токчура не только был осведомлен об официально обозначенных планах Оренбургской экспедиции, но и по-своему их понимал и толковал. В письме к Кильмяку-абызу (Кильмяку Нурушеву, мелкому феодалу Ногайской дороги) Токчура сообщал о том, что он «уведомился, аки всеми их землями хотят завладеть [русские власти], и того б ради всеми силами противиться, и город Оренбург строить не давать, толкуя, что из-за того уже им [башкирам] никакой воли не будет» (Рычков, 2001: 38).

Нельзя не отметить, что, в общем-то, это была субъективная, тенденциозная, если не сказать – провокационная трактовка планов и задач экспедиции. Но она оказалась искрой в бочке с порохом.

Дальнейшие события подробно освещены в литературе. Здесь хотелось бы остановиться только на следующем моменте. Зимой 1735 г. Кильмяк Нурушев (Кильмяк-абыз) и примкнувшие к нему башкирские старшины проводят съезды-йыйыны, на которых договариваются о восстании. Однако И.К. Кирилов, находившийся в то время в Уфе, к сведениям об этих собраниях относился вполне индифферентно, очевидно полагая, что башкиры, обладавшие некоторой автономией, вправе собираться и решать какие-то свои дела: «Но Кирилов, несмотря на то сообщенное ему известие, приуготовления свои к походу продолжал и в Кабинет от 10 марта доносил, что то известие неосновательно и в Башкирии обстоит покойно, а сборы де чинятся для того, что башкирцам к службе наряд учинен, кое они между собою располагают...» (Рычков, 2001: 43-44).

В апреле–июне И.К. Кирилов, выполняющий государственный проект, обозначенный соответствующим указом от 1 мая 1734 г., и обличенный этим же указом соответствующими полномочиями, стоит лагерем на р. Чесноковке в 10 верстах от Уфы, ожидая прикомандированных к нему драгун Вологодского полка. Именно туда Кильмяк (между прочим, подданный Российской империи) присылает к нему своих посланцев «с объявлением, что они такого его походу изнести не могут и принуждены будут в том всеми своими силами препятствовать». Посланцев (тоже, кстати, подданных российских) жестоко наказали, в общем-то, ни за что – они были посланцы, не более того, один из них даже погиб «по учиненным ему розыскам, причем полковник Тевкелев ревность свою показал», а другой – взят под караул (Рычков, 2001: 44).

При всей жестокости происшествия (о котором, кстати, сам И.К. Кирилов нигде не упоминает) считать его чем-то из ряда вон выходящим едва ли будет адекватно для той эпохи. Трудно представить, чтобы И.К. Кирилов – представитель (а на тот момент и носитель) верховной власти в крае – вступил с подданными этой власти в дискуссию по поводу правомерности или неправомерности действий этой власти.

В интерпретации И.Г. Акманова, основного исследователя истории башкирских восстаний XVIII в., данный эпизод выглядит так: «собравшиеся [на йыйын на р. Чесноковке] пытались получить официальное разъяснение от властей о целях и сущности намеченных мероприятий. Однако власти не намеревались согласовывать свои действия с мнением коренных жителей и круто расправились с послами. Последние были избиты и заключены в тюрьму» (Акманов, 1977: 33). И позже: «прибытие И.К. Кирилова во главе экспедиционного корпуса вызвало большое беспокойство среди башкир. После ряда йыйынов (съездов) они направили к нему своих послов и просили разъяснить цель приезда Экспедиции в Башкирию. Однако Кирилов арестовал послов. Ни к чему не привела и попытка башкир обратиться с челобитной к самой императрице Анне Ивановне. Подобным отношением к башкирам И.К. Кирилов и уфимские власти подтолкнули их к крайнему средству в борьбе за свои права. Башкиры взяли в руки оружие» (Историко-культурный..., 2007: 158).

В данном случае, очевидно, будет одинаково неверным давать психологическое толкование источника с позиций какой-то одной из сторон. С позиции Кильмяка-абыза и его единомышленников «этими действиями власти еще раз продемонстрировали свои методы управления краем, нежелание считаться с мнением коренных жителей и тем самым еще более обострили без того острую обстановку. Компромисс между сторонами был исключен, и башкиры вынуждены были избрать крайнее средство в борьбе за свои права» (Акманов, 1977: 33). С позиций власти, выраженной П.И. Рычковым, «чрез сей злостной башкирский поступок [т.е. нападение на роты Вологодского драгунского полка 1 июня 1735 г.] довольно уже означилось, что от онаго необузданного народа добраго надеяться невозможно» (Рычков, 2001: 46).

Наиболее конструктивной представляется третья позиция, согласно которой восстание 1735–1740 гг. – это противостояние двух амбиций: башкирской феодальной знати во главе с Кильмяком Нурушевым и центральной власти в лице И.К. Кирилова и других руководителей Оренбургской экспедиции.

Можно предположить, что определенная часть башкир интуитивно это понимала и от участия в восстании воздержалась. Уже с первых дней восстания было очевидным, что башкирское общество раскололось на «бунтовщиков» и «верных», которые поддерживали власть, а также «колеблющихся», которые, «убоясь» угроз быть порубленными восставшими, то приставали к ним, то приходили к властям с повинной. Эта ситуация, которая сохранялась во все время восстания, наглядно представлена в экстракте, составленном в Кабинете в августе 1735 г. (*Материалы...*, 2002: 44-48)

Ситуация, безусловно, была хорошо известна И.К. Кирилову, который в своих «доношениях», по сути, дезавуировал тревожные сведения, поступающие в Сенат и Кабинет: «однако Кирилов послал от себя курьера в Кабинет нарочного от 23 июля и, причтя все то более упомянутого подполковника [Чирикова] оплошности, просил, чтоб на Уфу отправить из Сената сыщиков или нового воеводу, дабы всех воров, кои в нападении были, с женами и с детьми искоренить, а земли их отписать и отдать в роздачу русским и верным башкирцам, объявляя, что то нападение учинено от некоторых малых аймаков, да и то не целыми родами, многие ж в воровстве не были, а прочие де волости и тюби, также вся Сибирская и Осинская дороги, к тому воровству не пристаили...» (*Рычков, 2001: 46-47*). А в доношении императрице от 16 августа 1735 г. об этом вообще упомянуто вскользь: «...а за камандованиями в Верхо-Яицкую пристань и в Сакмарск, и навечной квартире меньше девяти рот драгун вологодских пять, казанских три, новых три, итого одиннадцать рот, оныя все, опричь двух рот новых, пошлютца для искоренения воров и на винтер квартиры в Уфу; служилых мещеряков пятьсот, из них останутца двести, а триста отпустятца к Уфе ж; казаков яицких двести, уфинских сто сорок, что же, Всемилостивейшая Государыня, касается до воров башкирцев, о том послал доношение в Сенат» (*Лобашкова, 2002: 207-208*).

Возникает вопрос, чем руководствовался И.К. Кирилов в своих «доношениях»: стремлением предотвратить свертывание Оренбургской экспедиции, как это считает И.Г. Акманов (*Акманов, 1977: 33*) или действительно убежденностью в возможности и пользе постепенной интеграции башкир в систему российской государственности (*Азнабаев, 2005: 185*)?

Ответ на этот вопрос дает Именной Указ от 11 февраля 1736 г. генерал-лейтенанту А.И. Румянцеву (бывшему в то время одновременно и астраханским, и казанским губернатором) и И.К. Кирилову, в котором, по мнению Б.А. Азнабаева, как раз и была реализована интеграционная программа И.К. Кирилова (*Азнабаев, 2005: 185*). С одной стороны, в нем предписывалось самыми жесткими мерами прекратить башкирское возмущение, с другой – в целом данный указ не был репрессивным, поскольку права и привилегии, полученные башкирами в период их вхождения в состав Российского государства, были сохранены (*ПСЗРИ, 1830: 742-743; Азнабаев, 2005: 186*).

Между тем ситуация в Башкирии в 1735 – начале 1736 гг. складывалась весьма неоднозначной. Если одни башкиры Ногайской дороги примкнули к Кильмяку-абызу, то другие оставались верными (кого было больше, установить невозможно). Последние сами ловили бунтовщиков и «сдавали» их властям (*Рычков, 2001: 49*).

Сам Кильмяк-абыз, объединившись со старшиной Акаем Кусумовым, в сентябре 1736 г. напал на отряд Кирилова, шедший из Оренбурга в Уфу. Здесь следует иметь в виду, что предводители восстания – Кильмяк-абыз, Акай Кусумов, Бепеня Торопбердин (тархан и мулла Куваканской волости Сибирской дороги), Месегут, Умир, Ишалю, Султанмурат (о них никаких данных нет) – указом от 11 февраля 1736 г. уже были объявлены вне закона, так что терять этим людям уже было нечего. Очевидно, справедливости ради следует также отметить, что и сами вожаки восстания не собирались в своих действиях соблюдать какие-то «церемонии». На большом йыйыне в мае 1735 г. было принято решение заставить бунтовать «чуваши, черемисы и мещеряков; кто в бунт не склонен, тех рубить» (*Акманов, 1977: 32*). Причем угрозы «побить», «рубить» и «колоть» за отказ участвовать в восстании звучали часто и повсеместно (*Материалы...*, 2002: 47-48, 50, 57, 72, 126).

И.К. Кирилов был первым российским администратором в Башкирии, который настойчиво добивался наказания всех участников восстания, независимо от причин, побудивших их сложить оружие. Таким образом, Кирилов считал, что на башкир должны быть распространены законы о государственных преступлениях (*Азнабаев, 2005: 184*). Его установка на жестокое подавление восстания была поддержана Кабинетом и Сенатом. Поэтому в 1736 г. на территории Башкирии проводятся широкомасштабные карательные акции. Так было в Табынской волости, где в отместку за нападение на отряд Кирилова, произведенное Акаем Кусумовым, «немалое число» башкир Ногайской дороги было побито (*Рычков, 2001: 50*). Не обеляя ни одну из сторон, следует отметить, что события шли как бы по замкнутому кругу: акция восставших – акция властей – акция восставших – акция властей... и так до бесконечности.

5. Заключение

Приведенные выше примеры с очевидностью показывают, что всякий исторический дискурс – суть порождение идеологии, определяющей (диктующей) его интерпретационную составляющую. В контексте государственной идеологии (С.М. Соловьев, Р.Г. Игнатьев, А.И. Добросмыслов, Б.Э. Нольде) башкирское восстание 1735–1740 гг. – это бунт, беспощадный с обеих сторон и бессмысленный. После его подавления башкиры ничего не приобрели, но и ничего не утратили.

С точки зрения советской историографии 1920–1930-х гг. в 1735–1740 гг. башкиры вели общенациональную освободительную борьбу против российского царизма и русских феодалов-дворян (М.Л. Муртазин, Ш.И. Типеев).

Советская историография 1950-х гг. различает в восстании как реакционные, антирусские тенденции, исходящие от башкирской феодальной знати, цепко держащейся за свои права и привилегии, полученные еще от Московского царства в лице Ивана IV Грозного. Крепнущая Российская империя старые договорные отношения с башкирами не признавала и стремилась их аннулировать. Столкновение двух амбиций вылилось в вооруженный конфликт, закончившийся своеобразным компромиссом: башкиры были жестко усмирены, но и империя оставила в силе традиционные для башкир права и льготы. Так что в этом контексте восстание 1735–1740 гг. было реакционным по характеру, но прогрессивным по итогам (А.Л. Чулошников, Л.Н. Устюгов, Н.Ф. Демидова).

И, наконец, в современной интерпретации (И.Г. Акманов, И.Ф. Амантаев) восстание – антифеодальное, национально-освободительное, «уникальный пример героической защиты башкирами своих прав и свобод».

Отсюда вывод методического характера: претендовать на научность и корректность историографическая критика может лишь в том случае, если ее острие будет направлено на дискурсы, созданные в тот же исторический период и в том же идеологическом поле, в котором работает критик. В противном случае, стоит только подойти к нарративу и построенному на его основе дискурсу с нейтральной позиции (как это сделали мы на приведенных выше примерах), правы оказываются ВСЕ, что для науки отнюдь не конструктивно.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01153, <https://rscf.ru/project/22-28-01153/>

Литература

- Аетбаев, 2018** – Аетбаев А. А.П. Чулошников и подготовка к печати «Материалов по истории Башкирской АССР» // *Ватандаш*. 2018. № 9. С. 40–47.
- Азнабаев, 2005** – Азнабаев Б.А. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII вв.). Уфа: РИО БашГУ, 2005. 210 с.
- Акманов, 2016** – Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII–XVIII веков: феномен в истории народов Евразии. Уфа: Китап, 2016. 376 с.
- Акманов, 1977** – Акманов И.Г. Башкирское восстание 1735–1736 гг. Учебное пособие к спецкурсу «Классовые и национально-освободительные движения в России в конце XVII – первой трети XVIII в.». Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1977. 84 с.
- Акманов, Имангалин, 2012** – Акманов И.Г., Имангалин И.К. Историография башкирского восстания 1735–1736 годов // *Вестник Башкирского университета*. 2012. Т. 17. № 1(1). С. 734–736.
- Амантаев, 2010** – Амантаев И.Ф. Отечественные и зарубежные исследователи о башкирском восстании 1739–1740 гг. // *История науки и техники*. 2010. № 6 (спецвыпуск № 2). С. 79–82.
- Барт, 2003** – Барт Р. Системы моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашиных, 2003. 511 с.
- Данилевский, 1998** – Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1998. 399 с.
- Демидова, 2020** – Демидова Н.Ф. Научные труды по истории Башкортостана. Уфа: Полиграфдизайн, 2020. 358 с.
- Добросмыслов, 1900** – Добросмыслов А.И. Башкирский бунт в 1735, 1736 и 1737 г. Оренбург: Типолит. Ф.Б. Сачкова, 1900. 104 с.
- Игнатьев, 2013** – Игнатьев Р. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период). Т. VII. Уфа. [Электронный ресурс], 2013. 407 с.
- Ирхин, 2014** – Ирхин Ю.В. Дискурс-анализ: сущность, подходы, методология, проектирование // *Социально-гуманитарные знания*. 2014. № 4. С. 128–143.
- Историко-культурный..., 2007** – Историко-культурный энциклопедический атлас Республики Башкортостан. М.: Феория; Уфа: Дизайн. Информация. Картография, 2007. 695 с.
- Кротков, 2015** – Кротков Е.А. Философско-методологический анализ научного дискурса // *Современный дискурс-анализ*. 2015. № 2(13). С. 4–16.

- Кузеев, 1978 – Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. 263 с.
- Лаппо-Данилевский, 2013 – Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Екатеринбург: Деловая книга, 2013. 602 с.
- Лобашкова, 2002 – Лобашкова Т.А. «Отправили для Нашего интереса в Наши подданные земли...»: Доношения И.К. Кирилова из Оренбургской экспедиции. 1734–1735 гг. // *Исторический архив*. 2002. № 1. С. 203-215.
- Материалы..., 1936 – Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 631 с.
- Материалы..., 2002 – Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. VI. Уфа: Китап, 2002. 766 с.
- Миньяр-Белоручева, 2014 – Миньяр-Белоручева А.П. Оценка в историческом дискурсе // *Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика*. 2014. Т. 3. № 3. С. 7-11.
- Миньяр-Белоручева, 2015 – Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // *Электронный журнал «Язык и текст langpsy.ru»*. 2015. Т. 2. № 2. С. 8-16.
- Муртазин, 2007 – Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в Гражданскую войну. М.: Инсан, 2007. 205 с.
- Нольде, 2013 – Нольде Б.Э. История формирования Российской империи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 845 с.
- Очерки..., 1956 – Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I. Ч. 1. Уфа: Башкнигоиздат, 1956. 303 с.
- ПСЗРИ, 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. IX. СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1022 с.
- Рычков, 2001 – Рычков П.И. История Оренбургская по учреждении Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 2001. 295 с.
- Соловьев, 1895–1896 – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 4. Т. XVI–XX. СПб.: Тип. тов. «Обществ. польза», 1895–1896. 1656 с.
- Тимошук, 2012 – Тимошук Е.А. Дискурсивный анализ как феноменологическая стратегия социокультурного описания // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2012. Вып. 4(12). С. 66-73.
- Типеев, 1930 – Типеев Ш.И. Очерки по истории Башкирии. Уфа: Башкирское государственное издательство, 1930. 222 с.
- Удербаета, 2016 – Удербаета С.К. Отражение истории кочевых народов Центральной Азии в «Трудах» Оренбургской ученой архивной комиссии // *Электронный научный журнал «edu.e-history.kz»*. 2016. № 4(08).
- Устюгов, 1950 – Устюгов Н.В. Башкирское восстание 1737–1739 гг. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 155 с.
- Устюгов, 1938 – Устюгов Н.В. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII – первой половине XVIII в. М., 1936 (рецензия) // *Историк-марксист*. 1938. № 1(065). С. 145-147.
- Фуко, 2004 – Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.

References

- Aetbaev, 2018 – Aetbaev, A. (2018). A.P. Chuloshnikov i podgotovka k pechati «Materialov po istorii Bashkirskoi ASSR» [A.P. Chuloshnikov and preparation for printing of “Materials on the history of the Bashkir ASSR”]. *Vatandash*. 9: 40-47. [in Russian]
- Aznabaev, 2005 – Aznabaev, B.A. (2005). Integratsiya Bashkirii v administrativnuyu strukturu Rossiiskogo gosudarstva (vtoraya polovina XVI – pervaya tret' XVIII vv.) [Integration of Bashkiria into the administrative structure of the Russian state (second half of the XVI – first third of the XVIII centuries)]. Ufa: RIO BashGU, 210 p. [in Russian]
- Akmanov, 2016 – Akmanov, I.G. (2016). Bashkirskie vosstaniya XVII-XVIII vekov: fenomen v istorii narodov Evrazii [Bashkir uprisings of the XVII-XVIII centuries: a phenomenon in the history of the peoples of Eurasia]. Ufa: Kitap, 376 p. [in Russian]
- Akmanov, 1977 – Akmanov, I.G. (1977). Bashkirskoe vosstanie 1735-1736 gg. Uchebnoe posobie k spetskursu «Klassovye i natsional'no-osvoboditel'nye dvizheniya v Rossii v kontse XVII – pervoi treti XVIII v.» [Bashkir Uprising of 1735-1736 Textbook for the special course “Class and national liberation movements in Russia at the end of the XVII – first third of the XVIII centuries”]. Ufa: Bashkirskii gos. un-t, 84 p. [in Russian]
- Akmanov, Imangalin, 2012 – Akmanov, I.G., Imangalin, I.K. (2012). Istoriografiya bashkirskogo vosstaniya 1735-1736 godov [Historiography of the Bashkir Uprising of 1735-1736]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. Т. 17. 1(I): 734-736. [in Russian]

- Amantaev, 2010** – *Amantaev, I.F.* (2010). Otechestvennye i zarubezhnye issledovateli o bashkirskom vosstanii 1739-1740 gg. [National and foreign researchers about the Bashkir uprising of 1739–1740]. *Istoriya nauki i tekhniki*. 6: 79-82. (spetsvypusk № 2). [in Russian]
- Bart, 2003** – *Bart, R.* (2003). Sistemy mody. Stat'i po semiotike kul'tury [Fashion systems. Articles on the semiotics of culture]. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyykh, 511 p. [in Russian]
- Danilevskii, 1998** – *Danilevskii, I.N.* (1998). Drevnyaya Rus' glazami sovremennikov i potomkov (IX–XII vv.). Kurs lektsii [Ancient Russia through the eyes of contemporaries and descendants (IX–XII centuries). Course of lectures]. M.: Aspekt Press, 399 p. [in Russian]
- Demidova, 2020** – *Demidova, N.F.* (2020). Nauchnye trudy po istorii Bashkortostana [Scientific works on the history of Bashkortostan]. Ufa: Poligrafizain, 358 p. [in Russian]
- Dobrosmyslov, 1900** – *Dobrosmyslov, A.I.* (1900). Bashkirskii bunt v 1735, 1736 i 1737 g. [Bashkir revolt in 1735, 1736 and 1737]. Orenburg: Tipolit. F.B. Sachkova, 104 p. [in Russian]
- Ignat'ev, 2013** – *Ignat'ev, R.* (2013). Sobranie sochinenii (ufimskii i orenburgskii period). T. VII. [Collected works (Ufa and Orenburg period)]. T. VII. Ufa. [Electronic resource]. 407 p. [in Russian]
- Irkhin, 2014** – *Irkhin, Yu.V.* (2014). Diskurs-analiz: sushchnost', podkhody, metodologiya, proektirovanie [Discourse analysis: essence, approaches, methodology, design]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*. 4: 128-143. [in Russian]
- Istoriko-kul'turnyi..., 2007** – Istoriko-kul'turnyi entsiklopedicheskii atlas Respubliki Bashkortostan [Historical and cultural Encyclopedic Atlas of the Republic of Bashkortostan]. M.: Feoriya; Ufa: Dizain. Informatsiya. Kartografiya, 2007. 695 p. [in Russian]
- Krotkov, 2015** – *Krotkov, E.A.* (2015). Filosofsko-metodologicheskii analiz nauchnogo diskursa [Philosophical and methodological analysis of scientific discourse]. *Sovremennyyi diskurs-analiz*. 2(13): 4-16. [in Russian]
- Kuzeev, 1978** – *Kuzeev, R.G.* (1978). Istoricheskaya etnografiya bashkirskogo naroda [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 263 p. [in Russian]
- Lappo-Danilevskii, 2013** – *Lappo-Danilevskii, A.S.* (2013). Metodologiya istorii [Methodology of history]. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 602 p. [in Russian]
- Lobashkova, 2002** – *Lobashkova, T.A.* (2002). «Opravili dlya Nashego interesa v Nashi poddannye zemli...»: Donosheniya I.K. Kirilova iz Orenburgskoi ekspeditsii. 1734–1735 gg. [“They were sent for Our interest to Our subjects' lands...”: Denunciations of I.K. Kirilov from the Orenburg expedition. 1734–1735]. *Istoricheskii arkhiv*. 1: 203-215. [in Russian]
- Materialy..., 1936** – Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch. I. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoi polovine XVIII vv. [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Part I. Bashkir uprisings in the XVII and first half of the XVIII centuries]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 631 p. [in Russian]
- Materialy..., 2002** – Materialy po istorii Bashkortostana. Orenburgskaya ekspeditsiya i bashkirskie vosstaniya 30-kh godov XVIII v. [Materials on the history of Bashkortostan. The Orenburg expedition and the Bashkir uprisings of the 30s of the XVIII century]. Ufa: Kitap, 2002. 766 p. [in Russian]
- Min'yar-Belorucheva, 2014** – *Min'yar-Belorucheva, A.P.* (2014). Otsenka v istoricheskom diskurse [Evaluation in historical discourse]. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sovremennaya kommunikativistika*. 3(3): 7-11. [in Russian]
- Min'yar-Belorucheva, 2015** – *Min'yar-Belorucheva, A.P.* (2015). Tipologiya istoricheskogo diskursa [Typology of historical discourse]. *Elektronnyi zhurnal “Yazyk i tekst langpsy.ru”*. 2(2): 8-16. [in Russian]
- Murtazin, 2007** – *Murtazin, M.L.* (2007). Bashkiriya i bashkirskie voiska v Grazhdanskuyu voinu [Bashkiria and Bashkir troops in the Civil War]. M.: Insan, 205 p. [in Russian]
- Nol'de, 2013** – *Nol'de, B.E.* (2013). Istoriya formirovaniya Rossiiskoi imperii [The history of the formation of the Russian Empire]. SPb.: Dmitrii Bulanin, 845 p. [in Russian]
- Ocherki..., 1956** – Ocherki po istorii Bashkirskoi ASSR. T. I. Ch. 1 [Essays on the history of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashknigoizdat, 1956. 303 p. [in Russian]
- PSZRI, 1830** – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 1. T. IX. [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii, 1830. 1022 p. [in Russian]
- Rychkov, 2001** – *Rychkov, P.I.* (2001). Istoriya Orenburgskaya po uchrezhdenii Orenburgskoi gubernii [The history of Orenburg on the establishment of the Orenburg province]. Ufa: Kitap, 295 p. [in Russian]
- Solov'ev, 1895–1896** – *Solov'ev, S.M.* (1895–1896). Istoriya Rossii s drevneishikh vremen [The history of Russia since ancient times]. SPb.: Tip. tov. «Obshchestv. pol'za», 1895–1896. 1656 p. [in Russian]
- Timoshchuk, 2012** – *Timoshchuk, E.A.* (2012). Diskursivnyi analiz kak fenomenologicheskaya strategiya sotsiokul'turnogo opisaniya [Discursive analysis as a phenomenological strategy of socio-cultural description]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya*. 4(12): 66-73. [in Russian]
- Tipeev, 1930** – *Tipeev, Sh.I.* (1930). Ocherki po istorii Bashkirii [Essays on the history of Bashkiria]. Ufa: Bashkirskoe gosudarstvennoe izdatel'stvo, 222 p. [in Russian]
- Uderbaeva, 2016** – *Uderbaeva, S.K.* (2016). Otrazhenie istorii kochevykh narodov Tsentral'noi Azii v «Trudakh» Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii [Reflection of the history of the nomadic peoples of

Central Asia in the "Works" of the Orenburg Scientific Archival Commission]. *Elektronnyi nauchnyi zhurnal "edu.e-history.kz"*. 4(08). [in Russian]

Ustyugov, 1950 – Ustyugov, N.V. (1950). Bashkirskoe vosstanie 1737–1739 gg. [Bashkir Uprising of 1737–1739]. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 155 p. [in Russian]

Ustyugov, 1938 – Ustyugov, N.V. (1938). Materialy po istorii Bashkirskoi ASSR. Ch.I. Bashkirskie vosstaniya v XVII – pervoi polovine XVIII v. M., 1936 (retsenziya) [Materials on the history of the Bashkir ASSR. Ch.I. Bashkir uprisings in the XVII – first half of the XVIII century. M., 1936 (review)]. *Istoriik-marksist*. 1(065): 145-147. [in Russian]

Fuko, 2004 – Fuko, M. (2004). Arkheologiya znaniya [Archaeology of Knowledge]. SPb.: ITs «Gumanitarnaya Akademiya»; Universitetskaya kniga, 416 p. [in Russian]

Идеология как механизм формирования исторического дискурса (на примере историографии башкирского восстания 1735–1740 гг.)

Владимир Александрович Иванов ^a, Алексей Иванович Кортунов ^{a,*}, Алексей Олегович Иванов ^b

^a Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Российская Федерация

^b Колледж Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Российская Федерация

Аннотация. В статье проводится анализ историографии башкирского восстания 1735–1740 гг. в рамках ключевой задачи исследования по выявлению механизма формирования исторического дискурса и особой роли идеологии в данном процессе. Цель настоящей работы – показать, как идеология определяла характер и содержание исторических дискурсов. В качестве примера были взяты дискурсы, посвященные одному из самых масштабных и продолжительных национальных восстаний в истории России XVIII столетия. Основными источниками настоящего исследования являются дискурсы, посвященные указанному событию. Они многочисленны и различны по своим задачам, масштабам, широте и глубине проникновения в тему. В результате исследования авторы пришли к выводам, что всякий исторический дискурс – порождение идеологии, определяющей (диктующей) его интерпретационную составляющую. Претендовать на научность и корректность историографическая критика может лишь в том случае, если она будет направлена на дискурсы, созданные в тот же исторический период и в том же идеологическом поле, в котором работает критик.

Ключевые слова: башкирское восстание, идеология, историография, исторический дискурс, критический дискурс-анализ, нарратив, Южный Урал.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ivanov-sanych@inbox.ru (В.А. Иванов),
kortunov@rambler.ru (А.И. Кортунов), ivanov_alex1990@mail.ru (А.О. Иванов)